

ПРИНЦИПЫ СОЗДАНИЯ БИОГРАФИИ-«РЕКОНСТРУКЦИИ»: РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД КНИГОЙ М. С. МАКЕЕВА «АФАНАСИЙ ФЕТ» (2020)

Г. А. Шпилевая, В. А. Бондаренко

Воронежский государственный педагогический университет

Д. А. Скобелев

Цзилиньский государственный университет (КНР)

Поступила в редакцию 1 августа 2021 г.

Аннотация: в данной рецензии рассматривается книга М. С. Макеева «Афанасий Фет», представляющая собой биографию-«реконструкцию» выдающегося русского поэта, прозаика, публициста, философа А. А. Фета. Автор рецензируемой книги, следуя за своими предшественниками (Д. Д. Благим, Г. П. Блоком, Б. О. Бухштабом, М. Л. Гаспаровым и др.), проследил жизненный и творческий путь личности, внесшей большой вклад в отечественную и мировую культуру. М. С. Макеев объективно оценил человеческие качества Фета, показал обширный круг его знакомств, предложил оригинальный анализ стихотворений, снискавших славу лирических шедевров.

Ключевые слова: Афанасий Фет, биография-«реконструкция», композиция, поэтика, философские искания.

Abstract: this review examines the book by M. S. Makeev "Afanasy Fet", which is a biography-"reconstruction" of the outstanding Russian poet, prose writer, publicist, philosopher A. A. Fet. The author of the reviewed book, following his predecessors (D. D. Blagoy, G. P. Blok, B. O. Bukhstab, M. L. Gasparov, etc.), traced the life and creative path of a person who made a great contribution to domestic and world culture. M. S. Makeev objectively assessed Fet's human qualities, showed an extensive circle of his acquaintances, offered an original analysis of poems that have gained fame as lyrical masterpieces.

Keywords: Afanasy Fet, biography-"reconstruction", composition, poetics, philosophical searches.

Для того чтобы осмыслить вклад выдающегося художника в культуру, осветить грани его характера, «приходит биограф», который тщательно собирает источники: «листы книг, писем, дневников, листы воспоминаний современников» [5, 11]. Но эти фрагменты, какими бы правдивыми и объективными они ни были, не дают полного представления о судьбе творца, об источниках его вдохновения. «Мертвые» листы необходимо, по мнению Ю. М. Лотмана, «оживить», и биограф-реконструктор «встает на трудный и опасный путь воссоздания утраченного целого, реконструкции личности по документам, всегда неполным, двусмысленным, всегда несущим в себе субъективную позицию своего создателя» [5, 11]. Если будет проделана кропотливая работа, объективно осмыслен жизненный путь личности, то «мы вдруг услышим пульс того, кто давно уже ушел из жизни» [5, 12]. Читая книгу М. С. Макеева «Афанасий Фет», мы ощущаем, как оживает образ того, кто покинул этот мир в 1892 году, оставил статьи, переводы и замечательные стихи, в которых никогда не умрут пережитые чувства любви, вины, сострадания, восторг от соприкосновения с природой и боль утрат.

Для своей книги М. С. Макеев избрал традиционную применительно к биографиям композицию: создана хронологическая сетка («Тайна рождения» — «Верро» — «Студент» — «Кирасир» — «Любовь» — «Путешественник» — «Брак по расчету» — «Фермер» — «Судья» — «Русский дворянин» — «Камергер» — «Последний акт»), главные узлы (вехи жизни) которой содержат сведения, знакомые всем любителям и знатокам русской литературы. Однако в «лакунах» читатель найдет уточненные (или даже новые для него) факты биографии Фета, ознакомится с размышлениями над философскими исканиями поэта. Будут также рассмотрены политические взгляды, социальная позиция Фета-гражданина, автор биографии представит статьи помещика, разводившего лошадей, руководившего севом, сбором урожая, постройкой и ремонтом домов, сараев, мельниц и пр. М. С. Макеев — высокопрофессиональный исследователь русской литературы второй половины XIX века, поэтому мы можем оценить тонкий, оригинальный, порой неожиданный анализ фетовских стихотворений.

О «тайне рождения» Фета, казалось бы, хорошо известно, однако автор биографии добавил «таинственности», сообщив, что Иоганн Фёт (первый муж

матери поэта — Шарлотты), видимо, был «незаконным сыном кого-то из представителей августейшей семьи, а возможно, и самого великого герцога Людвига I» [6, 6]. Что касается появления на свет русского поэта, то в этом случае очень болезненный для семьи аспект освещен лаконично и ясно: цитируя запись из метрики о рождении в 1820 году у дворянина А. Н. Шеншина сына Афанасия, М. С. Макеев отмечает, что «это был несомненный для самого Шеншина и для всех замешанных в этой истории подлог» [6, 12]. В подтверждение приводится письмо А. Н. Шеншина отцу своей супруги (И. Беккеру), где он умоляет уговорить г. Фёта дать Шарлотте развод: «Если он не хочет сделать сего для нее, то должен он сделать это для своего детища, которое она скоро, очень скоро родит» [6, 11]. Русский дворянин обязуется заботиться о ребенке «как о своем собственном дитяти» [6, 11], и если другие исследователи ставят еще знак вопроса («В сентябре 1820 г. мценский помещик, ротмистр Афанасий Неофитович Шеншин похищает, будучи в Дармштадте, гессенскую подданную Шарлотту Фёт (в девичестве Беккер), беременную (от своего мужа?) вторым ребенком, и увозит ее в Россию») [7, 198], то автор рецензируемой биографии не сомневается, что поэт воспитывался не родным отцом, а отчимом.

Особое внимание уделяется образованию будущего писателя, переводчика Горация, Овидия, Тибулла, Вергилия, Шекспира, Гете и Шопенгауэра, знатока иностранных языков; перечислены все семинаристы, которые обучали юного Фета латыни, древнегреческому, отмечается, что немецкому мальчик обучался у матери, поощрявшей также его интерес и любовь к поэзии. Подробно описан маленький город Верро (с населением в 1 025 человек), пансион педантичного, но великодушного Крюммера, даже карцер, куда Афанасий угодил за самовольный визит в пекарню, где купил для своих однокашников пряников и крендельков к завтраку («утреннему молоку»). Приводятся интересные сведения, характеризующие Фета как человека, склонного к ремеслу, имеющего определенные навыки для работы на токарном станке (точил коньки, ножи и даже изготовлял шахматные фигуры), способного починить часы при помощи «штопальной иглы и испорченного рейсфедера» [6, 54].

Поступив в Московский университет (где в то время преподавал знаменитый Грановский), Фет не стал прилежным студентом (дважды оставался на второй год); оживляют характеристику сведения о том, что трактиры и «полпивные» были любимым местом для посещения, а также об интересе к цыганскому пению и даже любви к певице из хора. Последнее обстоятельство вносит дополнительный штрих в обширный «цыганский текст» русской литературы и в сведения из окололитературных кругов (имеются в виду пушкинские «Цыганы», лесковский «Очарованный

странник», «Живой труп» Л. Н. Толстого, а также браки брата и дяди (Толстого-Американца) последнего с прекрасными и талантливими представительницами указанной нации). Замечено, что юноша-Фет был хорош собой (портреты это подтверждают) и пользовался успехом у женщин.

Отмечается, что Фет рано снискал славу переводчика и поэта, но нравы того времени (даже учитывая приход в литературу и искусство в целом знаменитых разночинцев) делали жизнь человека «без имени» (открылась «тайна рождения») и «без состояния» (сын немецкого бюргера И. Фёта не мог рассчитывать на наследство от А. Н. Шеншина) неуютной и неполноценной. Было принято решение стать военным, добиться возвращения дворянского звания и сопутствующих привилегий, в связи с чем в книге М. С. Макеева появились реалистично описанные сцены ежедневной муштры Фета-кавалериста, приобретшего гнедого жеребца Камрада.

Особое место, как и следовало ожидать, отведено истории любви молодого Фета и Марии Лазич, чья жизнь оборвалась трагически. Дочь небогатого херсонского помещика, бесприданница Мария, безусловно, была личностью незаурядной: ее музыкальность отметил сам Ф. Лист (посетивший Елисаветград), ее интерес к литературе, конечно, усиливал страсть поэта и интеллектуальной красавицы. Влюбленные читали романы Ж. Санд, проповедовавшей свободную связь, которую брак мог лишь опозлить и даже уничтожить.

Автор биографии предполагает (основываясь на мемуарах и письмах к близкому другу И. П. Борису), что влюбленный Фет ради Марии Лазич готов был оставить военную службу (и забыть мечты о дворянстве); он предпринял бесполезные попытки просить денег у отчима-отца А. Н. Шеншина, попытался прибегнуть к помощи брата Василия и упомянутого Борисова. Получив не один отказ, благоразумный и прагматичный Фет (не пожелавший идти по пути «легкомысленно» в свое время поступивших Шарлотты и Шеншина, невероятно тем самым осложнивших жизнь себе и другим) в ноябре 1851 года расстался с любимой женщиной, через год погибшей в пламени. М. С. Макеев справедливо замечает, что с этих пор потрясенный человек откажется «смешивать действительность и высокую поэзию, искать идеал в отношениях с людьми, в том числе в любви» [6, 138]. Со временем образы и идеи Ж. Санд сменяются гетевскими — из «Германа и Доротеи», где превозносится семейное счастье «отменного хозяина, славного работника» и расторопной, приветливой девушки. Чувство самосохранения впредь предостерегало Фета от необдуманных поступков («жить сердцем»), он будет строить свое бытие, руководствуясь строжайшим расчетом: в 1857 году женится на 27-летней М. П. Боткиной, также пережившей несчастную любовь, не блиставшей красотой, умом

и обаянием — неотъемлемыми качествами Марии Лазич. М. С. Макеев опровергает (относительно выбора Фета) крылатое выражение из «Бесприданницы» А. Н. Островского («сколько приданных, столько и женихов, лишних нет...») и сообщает, что сама Мария Петровна была не так уж и богата, отец оставил ей 32 000 рублей, но при этом всегда можно было рассчитывать на помощь братьев Боткиных, унаследовавших огромное состояние отца-чаеоторговца и благоволивших к новому родственнику. Справедливости ради упоминается о доброте и отзывчивости супруги поэта, неоднократно доказывавшей преданность Фету, неизменно о ней заботившемся.

Деятельная жизнь поэта-помещика пройдет в упорных трудах по устройству имений (не без иронии сообщается, что при покупке оных «наличие жимолости, изящных тропинок и холмов или соловьев в соседней роще во внимание не принималось» [6, 247]), в хлопотах о многочисленных родственниках (в том числе о своей единоутробной сестре — Лине Фёт), о комфорте, безусловно, уважаемой жены, приехавшей в доме отца к роскоши.

М. С. Макеев не стремится обойти сложные стороны характера Фета, тактично отмечая противоречащие друг другу черты его натуры: ответственность за здоровье и благополучие сестер, братьев, племянников, верность дружбе, великодушие, с одной стороны, и излишнюю жесткость, равнодушие и даже цинизм, с другой стороны (например, упоминается, что хозяйственный помещик, державший осликов для передвижения по усадьбе, назвал одного из них «Некрасов», хотя известия о скончавшемся в жесточайших мучениях поэта и издателя были еще очень свежи). Иногда автор биографии опровергает и самого Фета, обходящего (или искажающего) в своих мемуарах факты, высвечивающие не лучшие его поступки. Таким образом, выдающийся поэт («автор биографический», в терминологии Б. О. Кормана) предстает человеком, не лишенным недостатков, пережившим много невзгод, ироничным по отношению к себе и другим, одним словом — «живым».

В литературоведении долго бытовало утверждение о том, что фигура Фета двойственная (это было навеяно и стихами самого поэта: «Я между плачущих Шеншин, / И Фет я только средь поющих»), что в нем необъяснимо уживался помещик с тончайшим лириком. Современные исследователи не поддерживают эту точку зрения, и М. С. Макеев из их числа, так как доказывает органичное сочетание в личности Фета «высокого» и «бытового». Для того чтобы объяснить, как в одном человеке сочетались хлопоты о навозе и зерне с поэтическими грезами о «нетленном сиянии неба и моря» [6, 385], автор книги внимательно изучил философское тяготение поэта (от молодых лет до зрелости). Юность Фета протекала в эпоху увлечения российской молодежи Гегелем,

но даже знакомство с А. И. Герценом и многолетняя дружба с И. С. Тургеневым (известными «гегельянцами») не сделало поэта поклонником этого течения, так как его не устраивало «тотальное» стремление соединить «высокие идеалы» с насущными житейскими проблемами («конкретными задачами»). При этом вполне объяснима привлекательность учения Ф. Шеллинга, для которого «искусство стояло на вершине всей человеческой деятельности» [6, 78]. Однако впереди «ждал» А. Шопенгауэр, мыслитель действительно чрезвычайно важный: окажется очень близкой мысль о том, что философия не должна заявлять свои права на объяснение реальности (законов «наихудшего из миров»); будет импонировать и объяснение сути искусства, тех эстетического наслаждения и восторга, которые хотя бы на миг освобождают от тяжести бытия и успокаивают. Фет так тщательно комментировал и переводил труд «Мир как воля и представление», что главные положения стали и его собственной жизненной программой. Даже предсмертная записка тяжело больного поэта, создававшаяся в момент принятия «последнего решения» («Не понимаю сознательного преумножения неизбежных страданий. Добровольно иду к неизбежному») коррелирует с важнейшей идеей А. Шопенгауэра: «То, что так страшит нас в смерти, это не столько конец жизни — так как особенно жалеть о последней никому не приходится, — сколько разрушение организма, именно потому, что он — сама воля, принявшая вид тела» [11, 87].

Опровергается в рассматриваемой биографии и некогда бытовавший миф о фетовском политическом индифферентизме, безразличии к действиям власти и тем, кто ей противостоял. Фет активно отстаивал свои взгляды, которые были далеки от либеральных: его кумиром был Николай I (наиболее, якобы, понимавший суть правильного правления Россией), неоднократно устно и печатно критиковалась община, нескрываемой антипатией веяли высказывания о «семинаристах» («разночинца-демократах»). Фетовская военная служба протекала в николаевскую эпоху «безочарования», и М. С. Макеев напоминает, что некоторые офицеры в знак протеста вступили в ряды петрашевцев, а позднее даже в организацию «Земля и воля». Фет, как и его современники, прекрасно знал о неумирающих «потемкинских деревнях», о царивших сребролюбии и казнокрадстве, но «это был не им созданный порядок вещей, к которому он готов был приспособиться <...>, добываясь скромных личных целей» [6, 124].

Цели достигались путем добросовестной службы, рационального ведения сельского хозяйства, упорного литературного труда; в итоге в 1873 году, через 40 лет после утраты социальных привилегий, Фету были возвращены дворянское звание и фамилия «Шеншин». А 26 февраля 1889 года отставной гвардии штабс-ротмистр был пожалован в камергеры, что

вызвало удивление (зачем это поэту?) многих, в том числе семейства Л. Н. Толстого и Я. П. Полонского. Обласканный царским двором, Фет-Шеншин отправился в нелюбимый с отрочества Санкт-Петербург, надел приличествующий случаю мундир и поблагодарил, по этикету, Александра II за оказанную честь. Способствовал «продвижению» Фета великий князь Константин Романов (К. Р.), с которым велась многолетняя («осторожная») переписка. Два поэта, выдающийся и «второстепенный», обменивались стихами, наносили друг другу визиты: Фет — в роскошный Мраморный дворец, К. К. Романов — в скромный домик четы Фетов в Москве. М. С. Макеев приводит фрагменты писем Фета к высокопоставленным особам и сообщает, что «курировала» просьбы поэта и образцового помещика (император сообщал, что об этом «наслышан») такая немаловажная фигура на политическом небосклоне, как шталмейстер императорского двора И. П. Новосильцев, друг юности Фета. Однако если вспомнить, что приятелями с детства были Александр II и благороднейший, скромный А. К. Толстой, то можно утверждать об отсутствии излишних рабской угодливости и унижительного низкопоклонства в подобных отношениях.

В настоящей биографии много места отведено и информации о социальной активности Фета, который писал пространные статьи о воспитании и образовании (например, по поводу гимназического устава 1864 года). В 1865 году уважаемый и состоятельный (действовал имущественный ценз) помещик был избран гласным земского уездного собрания, а через год он баллотировался на должность мирового судьи в Мценском уезде. Неурожайные годы (1866–1867) и последующий голод подвигли поэта помогать нуждающимся крестьянам, но деньги давались им в долг. Свою позицию Фет изложил в письме в «Московские ведомости»: собранные деньги (около 3 000 р.) должны *возвратиться* (чтобы создать фонд на случай подобной грядущей беды), ибо оказывать материальную помощь безвозмездно — означает поддерживать лень, тунеядство и безделие.

Наибольшее внимание в книге уделено, конечно, становлению таланта, творческой биографии русского лирика, литературной среде, где он вращался. Отмечается, что к литературе поэт с детства тянулся «как к убежищу, спасению от тусклой жизни» [6, 34], и, цитируя замечательные фетовские мемуары, М. С. Макеев передает тот восторг, который испытывал мальчик, переводивший немецкие басни на язык своей новой родины — России.

Фет начал рано печататься (одновременно с Н. А. Некрасовым): в 1840 году выходит его «Лирический Пантеон», однако современные исследователи сходятся во мнении, что если эпигон Некрасов в сборнике «Мечты и звуки», подражая Жуковскому, Козлову, Пушкину, Лермонтову, намечил все главные темы и образы своих поздних стихов, то в отношении Фета

складывается иная картина. Его кумиром в начале творческого пути был Бенедиктов, так как прилежно повторялись «измученная грудь», «глазки» и пр.

Известно, что о ранних стихах Фета положительно отзывался Н. В. Гоголь, а В. А. Жуковский дал отцу поэта дельный совет относительно выбора пансиона для обучения сына (пасынка). Другими студента и начинающего литератора стали Ап. Григорьев, И. Введенский и Я. Полонский, восхищавшиеся его талантом, несмотря на некоторые разногласия и замечания с их стороны. Отзывы на стихи давали барон Брамбеус (Сенковский) и В. Г. Белинский (правда, сетовавший, что в этих лирических образах мало пищи для ума), и это позволило молодому человеку посещать литературный салон Каролины Павловой, общаться с А. Ф. Вельтманом, П. Я. Чаадаевым, «стариком Шаховским», М. А. Языковым, П. А. Вяземским, Н. П. Огаревым, М. Н. Загоскиным.

Значительную роль в творческой биографии поэта сыграл И. С. Тургенев, а также критики и беллетристы некрасовского «Современника», взявшиеся редактировать и издавать очередной фетовский сборник стихов (1856 г.). «Братья-литераторы» в целом принимали его лирику, но считали Фета поэтом «бессознательным», автором «неясных образов», «пленительного вранья» и подвергли его творения варварской правке, которая, по словам Б. Я. Бухштаба, «радикально меняет текст». Фет, конечно, не был рад этому обстоятельству, и в дальнейшем, конечно, при издании стихотворений учитывалась авторская воля.

Одно время Фет активно общался с Н. А. Некрасовым, представитель «чистого искусства» восхищался некрасовской поэмой «Несчастные», а «певец народного горя» искренне хвалил фетовское стихотворение «У камина» («Тускнеют угли...»). Однако со временем симпатии к Некрасову (как и к Тургеневу) сменились неприязнью: сказались различия в эстетических предпочтениях и несовместимость жизненных позиций (Фета раздражало некрасовское «безрассудство» (игра в карты), а также некоторые черты Некрасова-редактора).

Наиболее долгие, плодотворные и ценные по этому отношению связывали его с историком, литературным критиком, журналистом Н. Н. Страховым и Л. Н. Толстым. Десятилетиями длившаяся переписка при встречах часто дополнялась жаркими спорами, друзья обсуждали фетовские переводы (Н. Н. Страхов давал ценные советы), его стихи и прозу (не всегда принимаемую). С годами поэту стали чужды религиозные искания Толстого, его взгляды на семью, собственность, и тогда активизировалась переписка с С. А. Толстой, которая ценила практические советы хозяйственного Фета и жаловалась на своего знаменитого супруга, больше занятого «детьми Анисьи» (крестьянки), нежели своими собственными.

Размышляя над природой творчества Фета, М. С. Макеев полагает, что наиболее близким ему

художественным миром был мир Г. Гейне, навеявший русскому поэту суггестивность, связанную с «изгнанием» из субъектных сфер лирического героя, показавший, как извлечь красоту из прозы жизни. К названному литературному учителю М. С. Макеев прибавляет и М. Ю. Лермонтова, но не автора гневных обличительных стихов, а поэта, «пораженного красотой окружающего мира» [6, 106], создателя «Выхожу один я на дорогу...», «Демона», «Утеса».

Филолог М. С. Макеев предлагает читателю блестящий анализ фетовских стихотворений, о которых единомышленник и друг поэта В. П. Боткин заметил (в статье «Стихотворения А. А. Фета», 1956), что они способны «пробуждать в сердцах людей сладость поэтических ощущений» [1, 218]. Автор биографии постоянно развивает эту мысль и подчеркивает «не слабеющую зоркость к красоте, способность создавать «картины», пронизанные музыкой и светом» [6, 419]. В подтверждение приводится стихотворение «Ель рукавом мне тропинку завесила...», где сошлись «ветер», «листья» и «тонко взывающий рог»: «Сладостен зов мне глашатая медного! / Мертвые что мне листы!» / Кажется, издали странника бедного / Нежно приветствуешь ты» [9, 246].

Удивительное умение Фета «увидеть в действительности новые стороны» благодаря «полутонам» [4, 244] описал Б. О. Корман и доказал это анализом стихотворения «Одинокый дуб» (1856). М. С. Макеев также находит и объясняет удивительные новаторские («дерзкие») образы, вырастающие из «полутонов эмоциональных» [Там же]: «Раскрываются тихо листы, / И я слышу, как сердце цветет». Метафора «цветущее сердце», безусловно, представила вновь открытую лирическую ситуацию.

Сам Фет признавался, что в его поэзии «сопоставление предметов важнее их «воздействия» друг на друга» [6, 106]. Данное свойство объясняется при рассмотрении стихотворения «Не ворчи, мой котмурлыка...», где центральный образ *хандры* складывается из «соположения «печки», «окна», «те же», «те же...» [6, 107]. Но самое важное в данном случае (при «сопоставлении» предметов) то, что *хандра* «становится проявлением красоты жизни» [6, 108]. Поддерживается мысль о глубине поэтических образов, это объясняется и тем, что изображенные предметы отступают на второй план, уступая место ассоциациям, «которые вызываются этими предметами в сознании поэта» [2, XXII].

Фетовские ассоциации сложны, и только глубокое проникновение в текст позволяет исследователям понять всю многогранность возникающих образов, этот процесс порой занимает целые десятилетия. Приведу пример применения «флоропоэтики» (использованной одной из предшественниц М. С. Макеева) при внимательном прочтении стихотворения, посвященного вдове А. К. Толстого («Графине С. А. Толстой», 1889). В зачине содержится утверждение о том, что

с уходом близкого человека «нам мир так пуст...» [9, 167], далее сравниваются два лирических «персонажа» — *роза* и *резеда*, имеющие *тайные* смыслы, закодированные в «языке цветов». Роза по давней традиции ассоциируется с любовными страстями, а резеда умалчивает боль (название цветка происходит от *residere*, что в переводе с лат. означает *лечить, успокаивать, облегчать*). Посвящение становится утешением: «Но знаю, в воздухе нагретом, / Вот здесь, со мной, / Цветы задышат прежним летом / И резедой» [9, 167], ведь «бледные цветы, вырванные из мертвой земли, более устойчивы, чем пышная роза, метафора ушедшей молодости» [10, 355].

Уделено внимание в работе М. С. Макеева и анафограм — неотъемлемому элементу фетовской поэтики, обеспечивающему сюжету «равномерное поступательное движение» [3, 471], когда «на фоне одинакового выступает своеобразное» [3, 472]. «С помощью повторения одной или нескольких красиво звучащих строк», по словам М. С. Макеева, создается «огромное богатство интонаций» [6, 276], что исследователь продемонстрировал на примере такого шедевра, как «Месяц зеркальный плывет по лазурной пустыне...».

Не забыты и неповторимые фетовские концовки, бесконечно расширяющие хронотоп лирического произведения. «Концовки стихотворений Фета, в согласии с его поэтикой, подводят итог кратковременному, но небывалому по яркости и интенсивности переживанию» [9, 171], что М. С. Макеев подтвердил относительно финала стихотворения «А. Л. Бржеской» («Далекий друг, пойми мои рыдания...»). Согласуясь со взглядами Фета и учением Шопенгауэра, автор биографии замечает, что «жизни жалко, как бывает жалко оборванного прекрасного сна — не его самого, а исчезающей вместе с ним красоты» [6, 342]: «Не жизни жаль с томительным дыханьем, / Что жизнь и смерть? А жаль того огня, / Что просиял над целым мирозданьем, / И в ночь идет, и плачет, уходя» [9, 166].

Необходимо отметить, что точные детали в данной биографии оживляют картины прошлого, и это усиливает ощущение достоверности изображенного. Например, с первых страниц красноречивее всех комментариев о материальном положении семьи И. Беккера (дед Фета) говорит то, что дом был куплен «благодаря займу в 15 тысяч гульденов <...> под пять процентов годовых» [6, 6]. А вот бытие И. Фета (отца поэта) было гораздо скромнее, денег не хватало, и, как следует из его письма, до 1817 года некий влиятельный покровитель оплачивал «все жизненные потребности, вплоть до дающих свет серных нитей» [6, 6].

Дом Григорьевых, где Фет-студент провел несколько лет, описан так, что читатель *увидел* сарай, где стояли корова и лошади, *прошел* по узким коридорчикам, по разделенным перегородками комнатам («в качестве небольших спален») и по антресолям («куда вела узкая лестница с двумя заворотами») строения на Полянке.

Манера изложения, в которой выдержана книга М. С. Макеева, напоминает фетовскую (сказалось внимательное изучение мемуаров и писем поэта, обусловившее «стилистическую эмпатию»): она сдержанная, тяжеловатая, с большим внутренним напряжением. Как всякую талантливо, с научной добросовестностью выполненную биографию, данную характеризует выверенность материала; автор часто сопоставляет различные мнения (почерпнутые в письмах, дневниках, мемуарах, архивных материалах), что способствует объективному изображению бытия человека, пришедшего в мир 200 лет назад и прошедшего сложный, многотрудный путь. Жизнеописание отличает чувство меры, автор не переходит определенную черту, за которой начинаются выдумки увлекающегося потомка: если относительно какого-либо факта (например, как сблизилась А. Н. Шеншин и Шарлотта Фёт, «как возникла идея бегства, как они смогли обмануть бдительность родни» [6, 8]) «нет никаких достоверных сведений», то биограф Фета заявляет: «и фантазировать на эту тему мы не будем» [6, 8].

Данная работа выполнена с большим уважением к исследованиям предшественников (Д. Д. Благого, Г. П. Блока, Б. Я. Бухштаба, М. Л. Гаспарова, В. А. Кошелева, Е. А. Маймина и др.), чьи труды были тщательно изучены, чье учение учитывалось и развивалось.

Воронежский государственный педагогический университет

Шпилевая Г. А., доктор филологических наук, профессор

Бондаренко В. А., кандидат филологических наук, старший преподаватель

Цзилиньский государственный университет (КНР)
Скобелев Д. А., кандидат филологических наук, преподаватель

E-mail: 19alex04@mail.ru

ЛИТЕРАТУРА

1. Боткин В. П. Литературная критика; Публицистика; Письма / В. П. Боткин. — М.: Советская Россия, 1984. — 320 с.
2. Бухштаб Б. Я. А. А. Фет / Б. Я. Бухштаб // А. А. Фет. Стихотворения. — Л.: ГИХЛ, 1956. — С. III–XXIII.
3. Жирмунский В. М. Теория стиха / В. М. Жирмунский. — Л.: Советский писатель, 1975. — 664 с.
4. Корман Б. О. Избранные труды. История русской литературы / Б. О. Корман. — Ижевск: Изд-во Удмуртского государственного ун-та, 2008. — 732 с.
5. Лотман Ю. М. Карамзин / Ю. М. Лотман. — СПб.: Искусство, 1997. — 832 с.
6. Макеев М. С. Афанасий Фет / М. С. Макеев. — Молодая гвардия, 2020. — 443 с. (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1818).
7. Русская литературная классика XIX века: учебное пособие / Под ред. А. А. Слинько и В. А. Свительского. — Воронеж: ВГУ-МИОН, 2001. — 426 с.
8. Сильман Т. И. Заметки о лирике / Т. И. Сильман. — Л.: Советский писатель, 1977. — 222 с.
9. Фет А. А. Стихотворения / А. А. Фет. — Л.: ГИХЛ, 1956. — 380 с.
10. Шарафадина К. И. «Селам, откройся!» Флоропэтика в образном языке русской и зарубежной литературы / К. И. Шарафадина. — СПб.: Нестор-История, 2018. — 544 с.
11. Шопенгауэр А. Избранные произведения / А. Шопенгауэр. — М.: Просвещение, 1992. — 478 с.

Voronezh State Pedagogical University
Shpilevaya G. A., Doctor of Philology, Professor

Bondarenko V. A., Candidate of Philology, Senior Lecturer

Jilin State University (PRC)
Skobelev D. A., Candidate of Philology, Lecturer
E-mail: 19alex04@mail.ru